

Педагогическая заметка [о переводе учеников]

Перевод учеников из училища в семинарию зависит от начальства училища, то есть главным образом от смотрителя училища. Инспектор училища тоже относится к начальству; но ему надо быть *в особенных отношениях* к смотрителю, чтобы иметь голос в переводе учеников. В противном случае он будет иметь тоже ничтожное значение, как и частный учитель; потому что смотритель рекомендует его *поведение* и службу с такою же властью, как и прочих учителей. Как же совершается перевод этот? Обыкновенно так: учителя подают смотрителю списки по своим предметам, смотритель производит экзамен — и пишет отметки... Учитель на экзамене существо жалко-страдательное. Смотритель, например, вызовет троих учеников, положим, глупых, задаст им несколько вопросов — они не отвечают; сделает любезную мину учителю с причетом: «Не знают! не отвечают!» Учитель краснеет, сидит молча, а пожалуй, и стоит на ногах, и дожидается другой такой же пилюли. Что эти самые ученики посажены у него в списках во 2 и даже в 3 разряде и значатся ленивыми и нерадивыми — до этого дела нет смотрителю. «Не отвечают! не знают!» Что целый курс не было с его стороны зависящих от него побуждений для учеников, что жаловал он в классы только для того, чтобы сказали о нём: «*был*», — это вышло теперь из головы. «Не знают! не отвечают!» — вопиет он учителю. Если учитель посмеет сказать, что они-де не учились у него — смотритель в свою очередь ответит: «А вы чего смотрели? Они должны учиться и знать, когда находятся в училище». Замолчит учитель и не разинет после рта. Проходит экзамен, списки собираются в кучу и забираются смотрителем. После нескольких дней исходит от него повеление учителям переписать набело составленные им разрядные списки и подписаться под ними. Со страхом и удивлением видит учитель, что иной лентяй по расчётам смотрителя назначен к переводу, а хороший ученик посажен во 2 разряде. Но делать нечего — подписывается, потому что в это же время подаются в семинарское правление формулярные списки об учителях, в коих он за малейшее прекословие может аттестовать его, как его душе угодно. «Все ли подписались?» — спрашивает смотритель. Все — отвечают учителя. «Ну так ладно!» Выдаются ученикам свидетельства с отметками по каждому предмету; но это также дело смотрителя; дело учителя и здесь одно: имеет честь под свидетельством написать своё имя и фамилию. Если ещё смотритель сам учит по какому-нибудь предмету, то отметки эти бывают более или менее справедливы, а если не учит, то он большею частию сочиняет их, сообразуясь с номером списка, составленного им самим по собственному вдохновению. Переводятся ученики вовсе не потому, что оказали удовлетворительные успехи по всем предметам, а по правилу деления на 3: $\frac{1}{3}$ отчисляется к 1-му разряду, $\frac{1}{3}$ ко 2-му и $\frac{1}{3}$ определяет оставшихся в том же классе и исключённых. Таким образом, переведённый в 1-й разряд может ничего не знать, или знать худо по двум и трём предметам (разумеется, исключая латинского языка) — это ничего, это в порядке вещей смотрительском. Переведённые в семинарию ученики подвергаются испытанию в самой семинарии. Испытывают большею частию профессора семинарии. От каждого учителя представляются в семинарское правление конспекты или обозрения пройденного им; но эти конспекты большею частию не берутся экзаменаторами. Спрашивают они ученика иногда совсем не то, что написано в конспектах, а то, что вздумается. Иногда профессор нарочно задаёт ученику какой-нибудь хитросплетённый вопрос, чтобы поставить его в тупик и вместе показать ученику, что тебя-де, брат, в училище учили ничтожным пустякам — попробуй-ка вот здесь, чем пахнет. Кончился экзамен, отметки профессора представляются в семинарское правление. Семинар-

с. 1231

с. 1232

ское правление рассматривает отметки и даёт знать предписанием чрез смотрителя: такому-то учителю за неудовлетворительные ответы учеников по его предмету сделать замечание, другому — выговор, третьего обязать подпиской. К этому смотритель прибавит своё назидание, что-де гг. занимайтесь лучше, чтобы после не жаловаться... А чем виноват тут учитель? Ровно ничем! Списки составлял не он и переводил не он: вот и выходит в чужом пиру похмелье. Учитель отметил в своей ведомости, что такой-то ученик занимался по его предметам худо — смотритель, несмотря на то, перевёл его, пожалуй, ещё в 1-й разряд; как на грех, спросили его на экзамене в семинарии: не ответил, разумеется, и вот за него же устами смотрителя изрекается выговор. А смотритель? В стороне, разумеется, остаётся, хотя он-то главным образом и виноват во всём. Ну как можно затронуть такую знаменитость, которая не может быть уволена иначе, разве только с согласия академии? Как можно напомнить ему о долге, чести и совести? Положение учителя духовного училища самое печальное. Почему бы, кажется, не допустить к участию в составлении разрядных списков и учителя? Что тут опасного? Опасное может быть только для деспотизма и злоупотреблений смотрителя. Между тем, тогда бы учитель освободился от напрасных и несправедливых выговоров и замечаний, совершенно сбивающих с толку самого благонамеренного и усердного. Тогда бы не был переведён в семинарию не знающий всех предметов хорошо. Почему бы не завести при переводах гимназического порядка: если ученик не получил по какому предмету менее 3 баллов, то никак не переводить его в следующий класс, а тем менее в семинарию. Сколько бы вымелось сору из училища, и какое бы сильное побуждение открылось для учеников заниматься как можно лучше по всем предметам! А то ведь совестно и сказать, кто теперь переходит из класса в класс, и в семинарию! И к чему всё это ведёт? Разумеется, к тому, чтобы духовные училища всё ниже и ниже спускались в общественном мнении. Да и зачем возлагать обязанность на начальство училища назначать учеников к переводу в семинарию? Ученик окончил курс в училище, чего же ещё? Училищное дело и покончилось, и выдано в том свидетельство. Не лучше ли предоставить переход в семинарию на волю каждого ученика? Кому угодно учиться в семинарии, тот пусть и держит экзамен. Ведь бывает же экзамен в семинарии и переведённым ученикам? Ведь и из переведённых учеников возвращают же иногда назад в училище? Самым порядком этим не показывается ли несостоятельность заведённого древнего порядка перевода в семинарию? Дай Господи, чтобы преобразование духовных училищ коснулось и этого предмета, и чтобы смотрителями назначались люди дельные и действительно полезные для училища, а не такие, которые и обнаруживают своё существование только выдачею учителям жалованья, придирами к ним да производством пустейшего экзамена. Конечно, и теперь есть дельные и благонамеренные смотрители, но только это замечательное и редкое явление. Такие смотрители и теперь пользуются всеобщою известностию, вниманием и глубокою благодарностию в целой губернии, и, конечно, никогда не потеряют своего значения, какое бы преобразование в училищах ни последовало.

Правдолюбов.

Автор Александр Иванович Свирелин установлен по статье: Пятидесятилетний юбилей педагогической деятельности смотрителя Переславского духовного училища протоиерея Александра Иоанновича Свирелина. 21.IX.1850—1900 // *Владимирские епархиальные ведомости (часть неофициальная)*. — 1901. — 1 января (№ 1); 15 января (№ 2); 1 февраля (№ 3). — С. 17—29; 68—77; 123—129.